Исполнение постановлений иных органов в системе гражданского процессуального права Российской Федерации: процессуальные особенности и проблемы правового регулирования

Едемский Виталий Валерьевич
Соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, edemskij.law@yandex.ru

В статье исследуются процессуальные особенности исполнения постановлений иных органов (несудебных актов) в порядке, установленном разделом VII Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Анализируется понятие «постановления иных органов», выделяются их виды и классификационные признаки. Рассматриваются две модели принудительного исполнения: модель непосредственной исполнимости (для нотариальных актов, удостоверений комиссий по трудовым спорам, постановлений административных органов и др.) и модель судебного санкционирования (для решений третейских судов, международных коммерческих арбитражей и иностранных судов). Выявляются процессуальные особенности каждой группы актов, включая основания и порядок выдачи исполнительных документов, пределы судебного контроля, а также специфику поворота исполнения. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций формулируются предложения по совершенствованию законодательства, в том числе о легальном определении «постановления иного органа», унификации порядка восстановления сроков предъявления к исполнению и дифференциации процессуальных режимов.

Ключевые слова: постановления иных органов, исполнительный документ, судебный контроль, исполнительная надпись нотариуса, решение третейского суда, удостоверение комиссии по трудовым спорам, экзекватура, поворот исполнения, Гражданский процессуальный кодекс.

Институт принудительного исполнения юрисдикционных актов в Российской Федерации традиционно рассматривается как завершающая стадия защиты нарушенных прав, однако его содержание не ограничивается исполнением только судебных постановлений. Законодатель, используя в наименовании раздела VII ГПК РФ обобщающую категорию «постановления иных органов», включает в сферу исполнительного производства широкий круг актов, выносимых органами и должностными лицами, не входящими в судебную систему. Это предопределяет необходимость специального научного осмысления процессуальных особенностей исполнения таких актов, поскольку их правовая природа, порядок принятия и степень формальной определённости существенно отличаются от судебных постановлений.

Актуальность обособленного исследования процессуальных особенностей исполнения постановлений иных органов обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, действующее исполнительное законодательство исходит из принципа множественности видов исполнительных документов: согласно статье 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее - Закон № 229-ФЗ)[1], перечень исполнительных документов не исчерпывается исполнительными листами и судебными приказами, а включает также нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов, удостоверения комиссий по трудовым спорам, акты органов, осуществляющих контрольные функции, акты по делам об административных правонарушениях, постановления судебного пристава-исполнителя и ряд иных актов, которым федеральный закон придаёт силу исполнительного документа. Во-вторых, гражданское процессуальное законодательство использует по отношению ко всем перечисленным актам единую родовую категорию - «постановления иных органов», что порождает необходимость выявления единых и одновременно дифференцированных процессуальных правил применительно к каждому виду таких актов. В-третьих, судебный контроль, установленный нормами раздела VII ГПК РФ, распространяется на исполнение постановлений иных органов не в полном объёме, а избирательно, что требует специального доктринального осмысления.

В науке гражданского процессуального права утвердилось представление о комплексной, межотраслевой природе исполнительного производства в целом. Применительно к постановлениям иных органов данная дискуссия приобретает дополнительное измерение: если в отношении судебных постановлений тезис о процессуальной природе исполнения обосновывается генетической связью исполнительного производства с судебным разбирательством, то применительно к актам нотариусов, комиссий по трудовым спорам, административных органов подобная генетическая связь с деятельностью суда отсутствует изначально: акт возникает и приобретает силу исполнительного документа вне рамок гражданского судопроизводства, суд же включается в процесс уже на стадии принудительной реализации такого акта, причём далеко не во всех случаях[2]. Это позволяет утверждать, что в отношении постановлений иных органов гражданское процессуальное право выполняет функцию последующего судебного контроля за законностью процедуры принудительного исполнения акта, изданного в рамках иной юрисдикционной процедуры, а не функцию его первичного правоприменительного оформления.

Дискуссия о природе судебного контроля за исполнением постановлений иных органов имеет и практическое измерение, поскольку от её разрешения зависит объём процессуальных прав должника и взыскателя. Если исходить из того, что суд, разрешая вопросы, связанные с исполнением постановления иного органа, осуществляет самостоятельную, не связанную с содержанием первоначального акта юрисдикционную деятельность, то логичным следствием явля-

[1] Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Российская газета № 223, 06.10.2007.

[2] Малешин Д.Я. Заметки о типах исполнительного производства // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 124.

ется ограничение предмета судебной проверки исключительно процедурными аспектами исполнения - без права суда давать оценку существу требования, зафиксированного в акте иного органа[1]. Именно такой подход последовательно проводится в судебной практике применительно к делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, где суд прямо не наделён правом пересматривать решение третейского суда по существу спора, а вправе лишь проверять наличие или отсутствие формальных, исчерпывающим образом перечисленных в законе оснований для отказа в выдаче исполнительного листа[2]. Аналогичным образом при рассмотрении заявлений об отсрочке, рассрочке исполнения либо о приостановлении исполнительного производства применительно к постановлению административного органа или удостоверению комиссии по трудовым спорам суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица, привлечённого к административной ответственности, либо об обоснованности требования, рассмотренного комиссией, поскольку это составляло бы недопустимое вмешательство в компетенцию соответствующего юрисдикционного органа.

Для уяснения процессуальной специфики исполнения постановлений иных органов необходимо определить круг субъектов, чьи акты законодатель наделяет силой исполнительного документа. Систематическое толкование статьи 12 Закона № 229-ФЗ во взаимосвязи с отраслевым законодательством позволяет выделить несколько относительно самостоятельных групп таких субъектов.

Первая группа - нотариусы. Их исполнительные надписи (ст. 89-94.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[3]) являются исполнительными документами применительно к бесспорным требованиям, а равно нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов. Особенность процессуального положения нотариального акта состоит в том, что он не подлежит проверке судом на стадии выдачи, тогда как оспаривание совершённого нотариального действия либо отказа в его совершении осуществляется в порядке особого производства (глава 37 ГПК РФ), образуя самостоятельный, предшествующий принудительному исполнению процессуальный механизм[4].

Вторая группа - комиссии по трудовым спорам (КТС). В соответствии со статьёй 389 Трудового кодекса РФ[5] в случае неисполнения работодателем решения комиссии в установленный срок работнику по его обращению выдаётся удостоверение, являющееся исполнительным документом, на основании которого судебный пристав-исполнитель приводит решение комиссии в исполнение в принудительном порядке. Законодатель прямо квалифицирует удостоверение КТС как самостоятельный исполнительный документ, минуя стадию обращения в суд за выдачей исполнительного листа[6]. Возникает и практическая проблема соотношения специального трёхмесячного срока предъявления удостоверения КТС к исполнению с общими правилами восстановления пропущенных сроков предъявления исполнительных документов, установленными статьёй 23 Закона № 229-ФЗ, согласно которым восстановлению подлежат только сроки предъявления исполнительного листа и судебного приказа. Данная коллизия разрешается на основе принципа приоритета специальной нормы, что подтверждается и трудоправовой доктриной[7].

Третья группа - органы (должностные лица), уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях. Постановления по таким делам, предусматривающие имущественные взыскания, являются исполнительными документами в силу прямого указания закона[8]. Судебный контроль за законностью самого постановления осуществляется в порядке, установленном главой 30 КоАП РФ, тогда как контроль за процедурой его принудительного исполнения переходит в сферу действия норм раздела VII ГПК РФ либо норм КАС РФ - в зависимости от характера спора. Разграничение компетенции между ГПК РФ и КАС РФ применительно к исполнению постановлений административных органов разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36[9].

Четвёртая группа - комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, постановления которых о наложении административного штрафа также подлежат принудительному исполнению по общим правилам исполнительного производства[10].

Пятая, особая группа - третейские суды (постоянно действующие арбитражные учреждения и суды ad hoc[11]) и международный коммерческий арбитраж[12]. Принципиальное отличие данной группы состоит в том, что решение третейского суда само по себе не является исполнительным документом; для приобретения им исполнительной силы необходимо получение исполнительного листа, выдаваемого компетентным государственным судом. Действующий ГПК РФ регулирует данные отношения в самостоятельном разделе VI «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов», включающем главу 46 «Производство по делам об оспаривании решений третейских судов» (ст. 418-422.1), главу 47 «Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» (ст. 423-427) и главу 47.1 «Производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов» (ст. 427.1-427.5). Данное обособление института от раздела VII произошло в результате реформы третейского разбирательства 2015-2016 годов[13], проведённой Федеральными законами от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ и № 409-ФЗ[14]. Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда исчерпывающим образом закреплены в статье 426 ГПК РФ и включают, в частности, недействительность третейского соглашения, ненадлежащее уведомление стороны о разбирательстве, неарбитрабельность спора[15] [18] и противоречие исполнения публичному порядку Российской Федерации. Судебная практика Верховного Суда РФ последовательно ориентирует нижестоящие суды на недопустимость расширительного толкования данных оснований и на необходимость установления судом по собственной инициативе только оснований о неарбитрабельности спора и о противоречии публичному порядку, тогда как остальные основания применяются лишь по заявлению заинтересованной стороны. В частности, в одном из дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что рассмотрение спора третей-

---

[1] Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 52-56.

[2] Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 214-218.

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

[4] Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России: направления реформ // Российское правосудие. 2010. № 9 (53). С. 36-42.

[5] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[6] Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2012. С. 570-595.

[7] Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России: учебник для вузов. М.: Проспект, 2005. С. 402-406.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, № 1 (часть I), 07.01.2002, ст.1.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[10] Авдонина Ю.Н. Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве : дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 210 с.

[11] Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража ad hoc в России. «Институциональные» третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1 (125). С. 8-13.

[12] Розенберг М.Г. Из практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации за 2008 год // Хозяйство и право. 2008. № 8. С. 101-116.

[13] Герасименко Ю.В., Терехова Л.А. О новой процедуре создания арбитражного учреждения (вступительная статья к обзору) // Правоприменение. 2017. №2. С. 207-211.

[14] Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 382-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 № 409-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 29.

[15] Туктамышев В.Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы : дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 254 с.

ским судом ad hoc само по себе не препятствует получению исполнительного листа в суде общей юрисдикции[1]. Категория публичного порядка при этом является оценочной и требует от суда взвешенного подхода: правоприменительная практика окружных арбитражных судов последовательно исходит из того, что немотивированное присуждение убытков, направленное на обогащение кредитора сверх компенсаторной функции гражданско-правовой ответственности, свидетельствует о нарушении принципа соразмерности ответственности и, соответственно, публичного порядка Российской Федерации[2]. Конституционный Суд РФ также обращался к вопросу о конституционно-правовом смысле оснований отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, связанных со спорами, вытекающими из отношений с недвижимостью[3]. Разъяснения по вопросам осуществления судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53[4].

Шестая группа - иностранные суды и иностранные третейские суды (арбитражи), решения которых подлежат исполнению на территории Российской Федерации после прохождения процедуры признания и приведения в исполнение, урегулированной главой 45 ГПК РФ, расположенной в разделе V «Производство по делам с участием иностранных лиц», а также соответствующими международными договорами, включая Нью-Йоркскую конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года[5]. После вынесения судом определения о признании и принудительном исполнении на основании такого определения выдаётся исполнительный лист, дальнейшее движение которого подчиняется общим правилам раздела VII ГПК РФ[6].

Седьмая группа - постановления самого судебного пристава-исполнителя, которые также приобретают силу исполнительного документа и в этом смысле являются «постановлениями иного органа» по отношению к суду. Их законность оспаривается в порядке, предусмотренном статьёй 441 ГПК РФ, то есть в рамках того же раздела VII, который одновременно регулирует и последующее принудительное исполнение указанных постановлений.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить две принципиально различные модели приведения постановлений иных органов к принудительному исполнению.

Первая модель «непосредственной исполнимости» характерна для нотариальных исполнительных надписей, удостоверений комиссий по трудовым спорам, постановлений по делам об административных правонарушениях, постановлений судебного пристава-исполнителя[7]. Роль суда в этой модели сводится исключительно к последующему контролю - рассмотрению жалоб на действия судебного пристава-исполнителя, разрешению вопросов об отсрочке, рассрочке, приостановлении или прекращении исполнительного производства, а также защите прав третьих лиц при обращении взыскания на имущество.

Вторая модель «судебного санкционирования» характерна для решений третейских судов, международного коммерческого арбитража, а также иностранных судов и иностранных арбитражей[8]. В рамках данной модели необходимо вынесение судом специального судебного акта (определения о выдаче исполнительного листа или о признании и приведении в исполнение), на основании которого уже выдаётся исполнительный лист, подчиняющийся общему процессуальному режиму, установленному статьями 428-431 ГПК РФ.

Существование двух указанных моделей объясняется различной степенью доверия законодателя к юрисдикционной природе соответствующего органа и различной степенью процессуальных гарантий, обеспечиваемых в рамках процедуры вынесения акта. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж представляют собой частную, договорную форму разрешения споров, в связи с чем государственный контроль за соблюдением фундаментальных процессуальных гарантий объективно необходим именно на стадии придания решению принудительной исполнимости[9].

Дополнительным аргументом в пользу разграничения двух указанных моделей служит и различие в правовых последствиях отказа суда в соответствующем волеизъявлении. Отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не препятствует сторонам обратиться за разрешением спора в суд по общим правилам искового производства, поскольку решение третейского суда, не прошедшее судебную проверку, не порождает окончательных правовых последствий для взыскателя. В то же время отказ в удовлетворении заявления, связанного с исполнением уже готового, самоисполнимого постановления иного органа, не затрагивает юридической силы самого этого постановления, а лишь означает, что взыскание должно производиться в общем порядке, без предоставления должнику дополнительных льгот. Данное различие ещё раз подчёркивает, что суд в рамках модели непосредственной исполнимости выполняет вспомогательную, обеспечительную функцию, тогда как в рамках модели судебного санкционирования его роль значительно более весома и по существу является правообразующей для приобретения актом иного органа принудительной исполнимости[10].

Центральной процессуальной особенностью, объединяющей все перечисленные разновидности постановлений иных органов в рамках раздела VII ГПК РФ, является характер и пределы судебного контроля, осуществляемого в отношении процедуры их принудительного исполнения. К числу таких полномочий относятся:

Отсрочка или рассрочка исполнения, изменение способа и порядка исполнения (ст. 434 ГПК РФ), прямо распространяющиеся как на судебные постановления, так и на постановления иных органов. При этом суд, рассматривающий соответствующее заявление применительно к постановлению иного органа, определяется исключительно по правилам подсудности по месту исполнения, поскольку «суда, вынесшего постановление», в данном случае не существует.

Приостановление и прекращение исполнительного производства (ст. 436-440 ГПК РФ). Основания приостановления и прекращения сформулированы законодателем таким образом, что они в равной мере применимы к исполнительному производству, возбуждённому на основании любого исполнительного документа независимо от того, кем он выдан. Значимое исключение составляет норма об обязанности суда приостановить исполнительное производство в случае оспаривания в суде исполнительного документа несудебного органа - данная норма имеет специфическое значение именно применительно к постановлениям иных органов, обеспечивая процессуальный баланс между продолжающимся исполнением и оспариванием законности самого акта.

Разрешение заявлений об оспаривании постановлений и действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов (ст. 441 ГПК РФ), применяемое одинаково независимо от природы исполнительного документа, поскольку предметом судебной проверки выступает не сам акт иного органа, а законность процессуальных действий пристава-исполнителя.

---

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.10.2023 г. по делу № 20-КГ23-11-К5 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 16497/12 по делу № А40-57217/12-56-534 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2024 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части четвертой статьи 426 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Ю. Колосова» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

[5] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

[6] Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.И. Марышевой. 4-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 466-474.

[7] Гуреев В.А., Гущин В.В. Исполнительное производство: учебник. М., 2009. 352 с.

[8] Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. 525 с.

[9] Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М.: Дело, 2001. 502 с.

[10] Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 588-891.

Защита прав других лиц при исполнении судебного постановления либо постановления государственного или иного органа (ст. 442 ГПК РФ), предусматривающая рассмотрение по правилам искового производства споров об освобождении имущества от ареста, возникающих в связи с обращением взыскания по любому исполнительному документу.

Поворот исполнения (ст. 443-445.1 ГПК РФ). Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 279-ФЗ кодекс дополнен статьёй 445.1, установившей порядок поворота исполнения судебного постановления, отменённого по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а также специальные изъятия для требований, вытекающих из трудовых отношений, авторского вознаграждения, алиментных обязательств и возмещения вреда жизни и здоровью[1]. Применительно к постановлениям иных органов данный институт приобретает существенную специфику, поскольку акт иного органа может быть отменён не судом общей юрисдикции по правилам ГПК РФ, а в рамках самостоятельной процедуры (например, отмена постановления по делу об административном правонарушении вышестоящим административным органом или судом в порядке главы 30 КоАП РФ). В таких случаях поворот исполнения осуществляется по правилам, установленным соответствующим отраслевым законодательством, однако единый процессуальный механизм в ГПК РФ отсутствует, что создаёт пробел в правовом регулировании.

Перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание (ст. 446 ГПК РФ), - норма, имеющая абсолютно универсальный характер вне зависимости от природы исполнительного документа.

Проведённый анализ позволяет выявить ряд системных проблем правового регулирования исполнения постановлений иных органов. Во-первых, отсутствие в ГПК РФ легального определения понятия «постановление иного органа» порождает необходимость доктринального и правоприменительного толкования данной категории. Представляется целесообразным дополнить статью 428 ГПК РФ развёрнутым определением, устанавливающим, что под постановлением иного органа для целей настоящего раздела понимается любой акт органа, должностного лица либо юрисдикционного образования, не относящегося к судам общей юрисдикции, которому федеральным законом придана сила исполнительного документа. Такое определение позволит унифицировать подходы и устранить неопределённость, возникающую при отнесении того или иного акта к числу исполнительных документов. Во-вторых, требует дальнейшей научной проработки вопрос о процессуальном механизме поворота исполнения применительно к отменённым постановлениям иных органов, поскольку действующее регулирование (ст. 443-445.1 ГПК РФ) ориентировано прежде всего на модель отмены судебного постановления вышестоящей судебной инстанцией. Предлагается дополнить раздел VII ГПК РФ специальной нормой, устанавливающей порядок поворота исполнения при отмене акта несудебного органа, с указанием на то, что возврат взысканных сумм осуществляется на основании вступившего в законную силу судебного акта или акта вышестоящего органа, отменившего первоначальное постановление, и по заявлению должника, поданному в суд по месту исполнения. В-третьих, сохраняется коллизия между положениями статьи 23 Закона № 229-ФЗ, ограничивающей восстановление срока предъявления исполнительного документа к исполнению только исполнительным листом и судебным приказом, и статьёй 389 ТК РФ, допускающей восстановление срока для удостоверения КТС самой комиссией. Данная коллизия, как было показано выше, разрешается на основе приоритета специальной нормы, однако для устранения системного противоречия целесообразно внести изменения в статью 23 Закона № 229-ФЗ, дополнив перечень исполнительных документов, срок по которым может быть восстановлен, удостоверениями КТС, а также иными актами, прямо предусмотренными федеральными законами. Это позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и устранить неоправданные различия в объёме процессуальных гарантий для разных категорий должников. В-четвёртых, заслуживает внимания концептуальный вопрос о целесообразности сохранения единого раздела VII ГПК РФ, объединяющего разнородные по субъектному составу порождающих актов правоотношения. На взгляд автора, сохранение единого раздела оправданно постольку, поскольку оно обеспечивает унификацию процессуальных гарантий защиты прав должника и взыскателя независимо от природы исполняемого акта, однако данная унификация должна сопровождаться более чётким законодательным обособлением норм, адресованных исключительно судебным постановлениям, от норм, имеющих универсальное применение. В частности, целесообразно выделить в отдельную главу нормы, регулирующие исполнение решений третейских судов и иностранных судов, с учётом их особой процедуры санкционирования, а для остальных постановлений иных органов сохранить общий режим с возможностью дифференциации по отдельным вопросам (например, по срокам предъявления, основаниям приостановления и т.п.). В-пятых, существенной проблемой является сложность определения надлежащей судебной компетенции применительно к спорам, возникающим в связи с принудительным исполнением постановлений иных органов. Если для судебных постановлений вопрос о компетентном суде решается однозначно, то применительно к постановлениям иных органов законодатель вынужден устанавливать самостоятельные правила определения компетентного суда. Дополнительную сложность создаёт конкуренция между гражданским судопроизводством и административным судопроизводством. Оспаривание постановлений и действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов, связанных с исполнением постановлений административных органов, в определённых случаях подлежит рассмотрению по правилам КАС РФ, если спорное правоотношение носит публично-правовой характер. Для устранения этой неопределённости предлагается закрепить в ГПК РФ и КАС РФ единые правила разграничения подведомственности по критерию субъектного состава и характера правоотношения, а также предусмотреть возможность передачи дела из одного суда в другой в случае ошибочного определения вида судопроизводства без прекращения производства по делу.

Немаловажным для оценки практической значимости рассмотренных проблем является и обращение к статистическим данным о деятельности службы судебных приставов. Значительная доля обращений граждан и организаций в суды по вопросам, связанным с исполнительным производством, касается именно вопросов исполнения постановлений иных органов[2]. Данное обстоятельство подтверждает практическую значимость единообразного и последовательного регулирования вопросов подведомственности и подсудности применительно к спорам, возникающим при исполнении постановлений иных органов, поскольку ошибочное определение вида судопроизводства (гражданского или административного) влечёт возвращение заявления либо прекращение производства по делу и, как следствие, увеличение сроков защиты нарушенных прав участников исполнительного производства.

Процессуальная специфика исполнения постановлений иных органов в системе гражданского судопроизводства Российской Федерации, регламентированная нормами раздела VII ГПК РФ, детерминируется фундаментальным отличием функциональной нагрузки суда в сравнении с классическим механизмом принудительной реализации судебных актов. В данном контексте суд утрачивает свои традиционные дискреционные полномочия по определению материально-правовой судьбы исполнительного требования и выступает не в качестве арбитра, разрешающего спор о праве, а в качестве институционального гаранта легитимности и процессуальной корректности принудительного воздействия. Данная роль обретает преимущественно контрольный и обеспечительный характер, реализуемый через дихотомию процессуальных форм: с одной стороны, это последующий, ретроспективный контроль за нормативной выверенностью процедурных действий при исполнении актов, обладающих свойством самоисполнимости, где судебная проверка ориентирована на выявление процессуальных дефектов уже состоявшейся процедуры; с другой стороны, это предварительное, превентивное судебное санкционирование, выступающее необходимым фильтром допустимости принудительной реализации юрисдикционных актов негосударственной природы или иностранного происхождения, что требует від суда оценки их формальной юридической силы и соответствия публичному порядку.

Вместе с тем, принципиальным обстоятельством, составляющим

[1] Федеральный закон «О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.06.2023 № 279-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4687.

[2] Данные судебной статистики // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 25.05.2026).

ядро рассматриваемой проблематики, является универсальный характер процессуальных институтов, закреплённых в разделе VII ГПК РФ, которые, будучи формально единообразными, применяются судами вне зависимости от видовой принадлежности исполнительного документа - будь то нотариально удостоверенное соглашение, постановление административного органа или решение иностранного суда. Такая унифицированная модель, безусловно, обеспечивает единство процессуальных гарантий для всех участников исполнительного производства, нивелируя ведомственные различия и создавая равный стандарт правовой защищённости.

Литература

1. Авдонина Ю.Н. Процессуальные особенности защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве : дис.... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 210 с.
2. Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России: направления реформ // Российское правосудие. 2010. № 9 (53). С. 36-42.
3. Герасименко Ю.В., Терехова Л.А. О новой процедуре создания арбитражного учреждения (вступительная статья к обзору) // Правоприменение. 2017. №2. С. 207-211.
4. Гуреев В.А., Гущин В.В. Исполнительное производство: учебник. М., 2009. 352 с.
5. Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России: учебник для вузов. М.: Проспект, 2005. С. 402-406.
6. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 214-218.
7. Малешин Д.Я. Заметки о типах исполнительного производства // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2010. С. 124.
8. Международное частное право : учебник для академического бакалавриата / под ред. Н.И. Марышевой. 4-е изд. М.: Юрайт, 2015. С. 466-474.
9. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс. М.: Дело, 2001. 502 с.
10. Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. 525 с.
11. Розенберг М.Г. Из практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации за 2008 год // Хозяйство и право. 2008. № 8. С. 101-116.
12. Севастьянов Г.В. Институционализация арбитража ad hoc в России. «Институциональные» третейские судьи (арбитры). Проблемы и задачи развития арбитража в России // Третейский суд. 2021. № 1 (125). С. 8-13.
13. Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 588-891.
14. Туктамышев В.Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические проблемы : дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 254 с.
15. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992. С. 52-56.

Enforcement of Decisions by Other Bodies within the Civil Procedural Law System of the Russian Federation: Procedural Features and Issues of Legal Regulation

Edemskiy V.V.

Kazan (Volga Region) Federal University

This article examines the procedural aspects of enforcing decisions made by "other bodies" (non-judicial acts) in accordance with the procedure established by Section VII of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. It analyzes the concept of "decisions by other bodies," identifying their various types and classification criteria. Two models of compulsory enforcement are considered: the model of direct enforceability (applicable to notarial acts, certificates issued by labor dispute commissions, decisions by administrative authorities, etc.) and the model of judicial authorization (applicable to decisions of arbitration tribunals, international commercial arbitration courts, and foreign courts). The article highlights the procedural characteristics specific to each group of acts, including the grounds and procedures for issuing enforcement documents, the scope of judicial oversight, and the nuances regarding the reversal of enforcement. Based on an analysis of judicial practice and legal doctrine, the author proposes legislative improvements, such as establishing a formal legal definition for "decisions by other bodies," standardizing the procedure for restoring time limits for the submission of documents for enforcement, and further differentiating the applicable procedural regimes.

Keywords: decisions by other bodies, enforcement document, judicial oversight, notarial enforcement endorsement, arbitration tribunal decision, labor dispute commission certificate, exequatur, reversal of enforcement, Civil Procedure Code.

References

1. Avdonina Yu.N. Procedural Aspects of Protecting the Rights and Legally Protected Interests of Minors in Civil Litigation: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Kazan, 2023. 210 p.
2. Argunov A.V. Special Proceedings in Russian Civil Procedural Law: Directions for Reform // Russian Justice. 2010. No. 9 (53). pp. 36–42.
3. Gerasimenko Yu.V., Terekhova L.A. On the New Procedure for Establishing an Arbitration Institution (Introductory Article to the Review) // Law Enforcement. 2017. No. 2. pp. 207–211.
4. Gureev V.A., Gushchin V.V. Enforcement Proceedings: A Textbook. Moscow, 2009. 352 p.
5. Gusov K.N., Tolkunova V.N. Labor Law of Russia: A Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Prospekt, 2005. pp. 402–406.
6. Kurochkin S.A. Arbitration of Civil Cases in the Russian Federation: Theory and Practice. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. pp. 214–218.
7. Maleshin D.Ya. Notes on Types of Enforcement Proceedings // Compulsory Enforcement of Acts of Courts and Other Bodies. Powers of Officials in Carrying Out Enforcement Actions: Collection of Materials from an International Scientific-Practical Conference. St. Petersburg, 2010. p. 124.
8. Private International Law: A Textbook for Academic Bachelor's Programs / ed. by N.I. ...by Marysheva. 4th ed. Moscow: Yurayt, 2015. pp. 466–474.
9. Neshataeva T.N. International Civil Procedure. Moscow: Delo, 2001. 502 p.
10. Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O.Yu. Contract Law: Agreements on Jurisdiction, International Jurisdiction, Conciliation Procedures, Arbitration (Adjudication) Agreements, and Settlement Agreements. Moscow: Statut, 2008. 525 p.
11. Rozenberg M.G. From the Practice of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation in 2008 // Khozyaistvo i pravo (Economy and Law). 2008. No. 8. pp. 101–116.
12. Sevastyanov G.V. Institutionalization of Ad Hoc Arbitration in Russia. "Institutional" Arbitrators. Problems and Tasks for the Development of Arbitration in Russia // Treteyskiy sud (Arbitration Court). 2021. No. 1 (125). pp. 8–13.
13. Skvortsov O.Yu. Arbitration of Commercial Disputes in Russia: Problems, Trends, and Prospects. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. pp. 588–891.
14. Tuktamyshev V.D. Arbitrability (Jurisdictional Competence) of Disputes: Theoretical Issues : Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg, 2024. 254 p.
15. Yarkov V.V. Legal Facts in the Mechanism for Implementing Norms of Civil Procedural Law. Yekaterinburg, 1992. Pp. 52–56.